

УДК 347

*Е.В. Рузанова**

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ

Статья посвящена определению характерных признаков гражданско-правовых обязательств как вида гражданских правоотношений и выявлению их классификационных критериев. Автор приходит к заключению, что обязательства представляют собой определенную юридическую модель взаимодействия субъектов. На основе различных позиций в статье делается вывод о том, что модели договорных и внедоговорных обязательств имеют существенные особенности (совокупность признаков), позволяющие говорить об обоснованности такой дихотомии. Указанные вопросы исследуются автором с учетом легальных нововведений в сферах общих положений об обязательствах.

Ключевые слова: гражданско-правовые обязательства, признаки обязательства, критерии деления обязательств, дихотомия, договорные и внедоговорные обязательства.

В настоящее время общая часть обязательственного права подверглась значительной корректировке, в целом базирующейся на Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция) [1]. Новеллы затронули целый ряд вопросов, касающихся гражданско-правовых обязательств, в том числе понятия обязательства и легальных аспектов соотношения общего и специального регулирования в этой сфере.

Понятие гражданско-правового обязательства, как известно, является достаточно разработанным в цивилистической науке, и его современное легальное определение (ст. 307 ГК РФ) как устоявшееся практически не вызывает споров в юридической литературе. В силу же изменений, внесенных в Раздел III ГК «Общая часть обязательственного права», к числу совершаемых действий отнесены оказание услуги и внесение вклада в совместную деятельность (ст. 307 ГК РФ). Такое нововведение носит уточняющий характер и делает определение обязательства более полным.

В ретроспективном аспекте можно выделить три основных доктринальных подхода к определению обязательства, различающиеся в основном в расстановке акцентов: одни авторы придавали решающее значение праву требования [2, с. 391], другие – обязанности [3, с. 1], третьи же – объединяли обе эти трактовки [4, с. 4]. По мнению М.М. Агаркова, первые две позиции приводят практически к равнозначным дефинициям гражданско-правового обязательства, однако описание его понятия через право требования является более ясным [5, с. 14]. Мы не считаем принципиальным, о чем говорить в первую очередь, о праве или обязанности, поскольку они корреспондируют друг другу и взаимообусловлены. В дореволюционной литературе также широко

* © Рузанова Е.В., 2015

Рузанова Евгения Владимировна (cl@samsu.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

обсуждался и вопрос о связанности субъектов обязательства [6, с. 1–2]. Представляется, что связанность лиц в обязательстве является существенной в плане рассмотрения обязательства как относительного правоотношения, однако личный элемент обязательства имеет значение, как правило, в обязательствах, связанных с личностью.

Важной опорной точкой является и проблема объекта (иногда употребляется термин «предмет») данного правоотношения. Одной из самых распространенных позиций, представленной в том числе и в дореволюционной литературе, с которой мы солидарны, является признание таким объектом определенных действий (как в положительном, так и в отрицательном смысле) [7, с. 110–111; 8, с. 45]. Продолжает оставаться спорным также и активно дискутируемым в цивилистической литературе дореволюционного периода вопрос о возможности существования обязательств неимущественного характера. Сторонник признания такой возможности И.А. Покровский, в частности, писал, что «даже беглый пересмотр основных аргументов противников обязательств на действия неимущественные обнаруживает их полную несостоятельность» [9, с. 135]. Считаем аргументы, приведенные И.А. Покровским в обоснование своей позиции, весьма убедительными. Отметим также, что наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой в качестве обязательства «квалифицируется» только имущественное правоотношение [5, с. 38–42; 10, с. 36]. Полагаем, что нет никаких препятствий для признания неимущественных обязательств, тем более если учесть современные тенденции по повышению роли гражданского права в охране прав личности.

В доктрине относительно дефиниции и признаков обязательства как вида гражданских правоотношений практически разногласий нет. Как правило, подчеркивается, что оно опосредует процесс перемещения имущества или иных результатов труда имущественного характера; оно является относительным правоотношением; обязанность субъекта не исчерпывается пассивным поведением, он, как правило, должен совершить некое действие; также внимание акцентируется на праве одного лица требовать определенного поведения от другого участника правоотношения. Поскольку, с нашей точки зрения, обязательства могут быть и неимущественными, то первый признак необходимо дополнить указанием на совершение действий неимущественного характера. Традиционно под обязательством понимается такое урегулированное нормами гражданского права отношение, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) совершения определенных действий либо воздержания от их совершения [5, с. 13]. Иногда указывается и на дополнительные его черты. Так, О.С. Иоффе, кроме всего прочего, говорил об обязательстве как правоотношении «по перемещению имущества и иных результатов труда» [10, с. 6]. В определении обязательственного права, сформулированном немецким исследователем Л. Эннексерусом, например, особое внимание обращается на интерес кредитора: «обязательственное право есть право одного лица (кредитора) по отношению к другому лицу (должнику) на исполнение, точнее, на удовлетворение заслуживающего защиты интереса» [12, с. 268]. Отметим, что в легальном определении обязательства делается акцент на обязанности должника.

Как указывалось в Концепции, в общих положениях, определяющих понятие обязательства, явно недоставало норм, которые позволяли бы классифицировать обязательства на отдельные виды и определить особенности правового регулирования указанных отдельных видов обязательств. Предлагалось также дополнить статью 307 ГК РФ положением о порядке применения общих положений об обязательствах к отдельным видам обязательств — договорным и внедоговорным, а также о возможности их применения к другим относительным правоотношениям (реституционным, корпоративным и т. п.), если иное не предусмотрено ГК и иными законами и не

вытекает из существа указанных правоотношений. Это положение Концепции нашло воплощение в новой статье 307.1, которая установила последовательность применения правил ГК об обязательствах в зависимости от того, является ли обязательство договорным или внедоговорным. Теперь общие положения об обязательствах применяются и к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, и к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки. Эти положения применяются, поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений. Действительно, нередко возникают не только правоотношения, являющиеся собственно обязательственными, но близкие к ним, например, обязательства сторон, возникающие из корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ).

В цивилистической литературе предлагались и предлагаются самые различные членения обязательств, как имеющие, так не имеющие какого-либо определенного классификационного критерия. Так, Н.Б. Новицкий и Л.А. Лунц различали; во-первых, обязательства, возникающие на основе плана (основную часть которых составляли обязательства, возникающие из договоров); во-вторых, обязательства, не охватываемые планированием (включающие договоры между гражданами; обязательства, возникающие из односторонних актов, и алиментные обязательства), в-третьих, обязательства, способствующие нормальному развитию отношений первых двух групп путем возмещения потерь в имуществе, необоснованных или вызванных неправомерными действиями (к числу которых относились обязательства из причинения вреда или неосновательного обогащения). Как видим, здесь единый критерий классификации отсутствует. Вместе с тем такая градация обязательств реально отражала особенности правового регулирования отдельных групп обязательств и имела практическое значение [8, с. 77].

В свое время О.С. Иоффе, говоря о значении классификации обязательств, справедливо подчеркивал, что она преследует методические, теоретические, практические цели [11, с. 86]. Деление обязательств как с целью построения единой системы обязательств, так и для решения частных вопросов в равной мере необходимо, поскольку позволяет более глубоко проникнуть в суть предмета изучения. В литературе разграничение обязательств осуществляется двумя основными способами: через определение критериев их дифференциации и (или) путем выявления совокупности специфических признаков каждого из видов. Считаем, что число таких признаков в принципе может быть любым, в отличие от критерия, который для конкретной классификации должен быть только один. В доктрине нередко используется и такой прием, как «вычленение» отдельных видов обязательств без определения критерия их обособления. Названный подход имеет право на существование, поскольку он расширяет возможности изучения данного правового явления.

В настоящее время можно считать общепринятой классификацию обязательств на регулятивные и охранительные (в зависимости от цели) и на договорные и внедоговорные (в зависимости от оснований возникновения) [11, с. 25]. Относительно последнего деления в литературе отсутствует единство мнений по вопросу о «составе» внедоговорных обязательств и о том, является ли такое деление «всеохватывающим». С определенной долей условности можно говорить о широком и узком подходах к пониманию внедоговорных обязательств.

Сторонники широкого подхода включают в их состав обязательства, которые возникают не на основании договора, а из других юридических фактов, и считают, что такая классификация охватывает всю совокупность гражданско-правовых обязательств. Внедоговорные обязательства, по их мнению, включают в себя все обязательства, порождаемые «независимо от соглашения его участников» [14, с. 117], или по осно-

ваниям их возникновения, находящимся «за пределами договоров» [15, с. 42]. Как известно, О.С. Иоффе, рассматривающий деление обязательств на договорные и внедоговорные в качестве основной их классификации, обращал внимание на то обстоятельство, что по цивилистической традиции имеет место отождествление внедоговорных и деликтных обязательств. Общий недостаток такого подхода, по мнению ученого, состоит в «выпадении» ряда обязательств (возникающих из односторонних сделок, неосновательного обогащения, спасания социалистического имущества и порождаемых плановыми актами) [11, с. 79].

Авторы, придерживающиеся узкой трактовки, исходят из того, что внедоговорные обязательства охватывают только охранительные (иногда называемые правоохранительными) обязательства. Причем классификации обязательств по основаниям их возникновения, предлагаемые сторонниками данного взгляда, существенно различаются. Так, одни ученые выделяют обязательства из договоров и иных (односторонних) сделок; обязательства из неправомерных действий; обязательства из иных юридических фактов [16, с. 43], а другие – обязательства, возникающие из договоров; внедоговорные обязательства; обязательства, возникающие из административных актов и односторонних сделок (из односторонних волевых действий) [17, с. 428], и т. д. Объединяет же указанные позиции не только узкое понимание внедоговорных обязательств, но и трехчленное деление всех обязательств.

Е.А. Суханов назвал попытку сохранения двучленной градации данных правоотношений путем расширения состава внедоговорных обязательств за счет включения некоторых других обязательств, возникающих не из договоров (например, обязательств, возникающих из односторонних сделок), неудачной [16, с. 42–43]. Причина такого положения дел, как полагает автор, кроется в искусственном разделении однородных по сути обязательств (основанных на сделках) и в объединении в одну группу обязательств из правомерных действий (сделок) и из правонарушений. В связи с этим он видит более логичным разделить все обязательства на регулятивные (договорные и иные обязательства правомерной направленности) и охранительные (из причинения вреда и из неосновательного обогащения). По нашему мнению, последнее деление обязательств имеет самостоятельное значение, поскольку базируется на собственном классификационном критерии и по этой причине не может подменять другие классификации.

Полагаем, что прямо противопоставлять приведенные выше двучленное и трехчленное деления обязательств нельзя, так как предыдущее изложение свидетельствует скорее о разной степени детализации классификационной системы, нежели о различиях принципиального характера.

С методологической точки зрения считаем верной высказанную в литературе идею построения системы обязательств на основе последовательно осуществляемой многоступенчатой классификации. Суть ее, по мысли Н.Д. Егорова, состоит в том, чтобы использовать единый классификационный критерий применительно к отдельной ступени классификации [14, с. 117–118]. Базируясь на таком подходе, автор формирует систему обязательств путем их деления первоначально на типы, далее, типы на группы, группы на виды, виды на подвиды и формы. В частности, договорные и внедоговорные обязательства им отнесены к типам. Следует заметить, что автор не совсем последователен, решая вопрос о построении системы обязательств. Так, в качестве наиболее общей (первичной) классификации обязательств Н.Д. Егоров использует их деление на две основные группы: охранительные и регулятивные [18, с. 544–575]. Однако сам же ученый рассматривает группу в качестве более дробного деления по сравнению с типом.

Отметим, что в литературе используется самая различная классификационная терминология. Так, Е.А. Суханов по основаниям возникновения делит обязательства на группы, а договорные обязательства как вид обязательств (входящих в одну группу с обязательствами из односторонних сделок) — на типы, типы договорных обязательств, в свою очередь, на виды, подвиды, разновидности [16, с. 43]. В принципе с соответствующими пояснениями авторов допустима любая терминология. Однако традиционно типология выражает более высокий уровень обобщения, нежели видовое деление.

Возвращаясь к вопросу о делении обязательств на договорные и внедоговорные, заметим, что даже использование одного критерия (в нашем случае — основания возникновения обязательств) не исключает получение различных классификационных результатов. Он зависит от того, какие конкретные цели ставятся исследователем. Так, если для автора приоритетным является «сделочная» природа обязательств, то объединение их в одну группу (тип, вид и т. д.) выглядит вполне логичным. Однако если требуется принципиально обособить договорные обязательства (как базирующиеся исключительно на согласованной воле участников), то дихотомия (договорные — внедоговорные обязательства в широком понимании) вполне допустима. Сказанное не означает, что нет никаких объективных классификационных подходов и что все зависит исключительно от усмотрения ученых. Спор между сторонниками соответственно двучленного и трехчленного деления обязательств в основном сводится к тому, насколько близка природа объединяемых в одну группу обязательств.

Как известно, особенность гражданско-правовых обязательств как вида правоотношений состоит в том, что они представляют собой определенную юридическую модель взаимодействия субъектов. Именно в оформлении такого взаимодействия и состоит «предназначение» обязательств, их правовая сущность. Эта модель в статическом состоянии уже заложена в порождающих обязательство юридических фактах, однако «степень» и способ такого моделирования различны: они зависят от особенностей юридического факта. Поэтому с точки зрения связи «юридический факт — обязательство» в ракурсе оценки точности (целесообразности) выбора классификационного критерия, по нашему мнению, речь должна идти о критерии степени влияния юридического факта на содержание обязательства, которая предопределяет «качество» названной связи.

Думается, что на содержание обязательств влияют определенные качества юридических фактов, которые не являются первостепенными при общей классификации последних как оснований возникновения (изменения и прекращения) гражданских правоотношений. Действительно, сделки относятся к одной группе юридических фактов. Но эта «близость» имеет конститутивное значение прежде всего для гражданского правоотношения в целом, а не для обязательства.

Как известно, основная масса обязательств в гражданском праве возникает из договоров, поскольку именно договор «приспособлен» (специально предназначен) для «порождения» не просто правоотношения, а его конкретного вида — обязательства. Как известно, договорные обязательства составляют основу и суть гражданского оборота. В гражданско-правовом договоре модель обязательства полностью описана. Трансформируясь в обязательство, она (модель) просто начинает функционировать по договорной логике, определяемой согласованной волей сторон. Таким образом, порождаемые договорами обязательства имеют принципиальные отличия от всех иных (возникающих из других юридических фактов) обязательств: их содержание определяется взаимной волей сторон (соглашением сторон), реализуемой в рамках закона. Поэтому движение от договора к обязательству происходит в виде перехода модели взаимодействия субъектов из статического состояния в динамическое, что свидетельствует и

о наличии непосредственной связи между договорным обязательством и порождающим его юридическим фактом. Предусмотренная же в законе модель внедоговорного обязательства не выступает его «содержательным продолжением», а лишь предопределяется спецификой юридического факта (юридического состава). «Качество» связи внедоговорных обязательств с юридическим фактом здесь иное: последний лишь порождает такие обязательства, но их содержание определяется либо исключительно законом, либо законом и волей одного из участников обязательства. Таким образом, внедоговорные обязательства функционируют «по логике закона». В силу сказанного и в рассматриваемом аспекте порождаемые договорами и односторонними сделками обязательства в большей мере разнятся между собой, чем обязательства из односторонних сделок и охранительные обязательства. Нельзя сбрасывать со счетов также сложившиеся традиции в этом вопросе и удобство в использовании двучленной классификации.

При таком подходе разнородность «всех иных обязательств», с нашей точки зрения, вполне может быть учтена на следующих этапах деления без ущерба для целостности классификации. Таким образом, двучленное деление, ориентированное на объединение обязательств, находящихся за пределами договоров («всех иных обязательств»), вполне оправдано как с методической и теоретической, так и практической точек зрения.

Как известно, группа (тип) договорных обязательств имеет собственные признаки, изучение которых не требует их сравнения с внедоговорными обязательствами. В этом смысле они как бы самодостаточны. Напротив, построение системы признаков внедоговорных обязательств не будет полноценным без их сравнения с договорными обязательствами, поскольку такое деление обязательств основано не на единстве первых, а на их отличиях от вторых. Типовое единство внедоговорных обязательств, таким образом, является некой альтернативой единству договорных обязательств. По мнению же С.С. Алексеева, договорные и внедоговорные обязательства вообще не могут рассматриваться как правоотношения, находящиеся в одной плоскости, поскольку последние выполняют только одну из многих функций обязательств, порождаемых правомерными действиями (правоохранительную функцию), в силу чего они в принципе несопоставимы [19, с. 41–42]. Главная же особенность формирования признаков внедоговорных обязательств состоит в том, что каждый из таких признаков, как правило, вариативен, поскольку эти обязательства разнообразны.

Интересно отметить, что в юридической литературе мало внимания уделяется изучению признаков внедоговорных обязательств. В основном эти обязательства характеризуются через негативный признак (они возникают не на основании договора), на что совершенно верно обратил внимание В.А. Носов, предпринявший в целом удачную попытку систематизировать такие признаки. В частности, он подчеркивает, что внедоговорные обязательства возникают в результате действий одного лица, их содержание определяется волей одного лица (которое может и не быть участником обязательства) или устанавливается законом, они носят внезапный характер [15, с. 41–43]. Поддерживая в целом изложенный подход, мы считаем необходимым внести в предложенные автором признаки некоторые уточнения. Например, такой признак внедоговорных обязательств, как их возникновение в результате действий одного лица, следует дополнить указанием на возможность осуществления действий несколькими лицами (в частности, при совместном причинении вреда).

Сказанное позволяет вывести совокупность признаков (черт), характеризующих внедоговорные обязательства. Черты указанных правоотношений всегда вариативны, так как внедоговорные обязательства многообразны и их выделение базируется на принципиальных отличиях от договорных обязательств. Вместе с тем использование

указанного приема разграничения договорных и внедоговорных обязательств не порождает утверждения о том, что последние являются отдельным видом обязательств.

Во-первых, внедоговорные и договорные обязательства, как отмечалось, разнятся по соотношению с юридическим фактом, их породившим. Если рассматривать эти обязательства через призму их различий на уровне модели, то можно сделать следующий вывод: в отличие от договорных внедоговорные обязательства не являются «продолжением» юридического факта, они существуют либо в качестве некоей противоположности ему (в охранительных обязательствах), либо как относительно автономная конструкция (модель), для возникновения которой первоначального (единственного) юридического факта недостаточно. Так, для возникновения обязательств из односторонних сделок, кроме первоначальной сделки, как правило, необходимы дополнительные действия другого лица (лиц). Таким образом, сама модель внедоговорного обязательства не выступает здесь простым «слепок» юридического факта.

Во-вторых, юридические факты, влекущие возникновение внедоговорных обязательств, могут быть как правомерными, так и неправомерными. Некоторые внедоговорные обязательства изначально возникают в форме гражданско-правовой ответственности (например, обязательства вследствие причинения вреда, порожденные правонарушениями), а договор, как известно, всегда является действием правомерным. Ответственность же может наступить только как результат неисполнения или ненадлежащего исполнения договора.

В-третьих, внедоговорные и договорные обязательства существенно различаются по способам установления их содержания: содержание первых определяется либо исключительно законом, либо законом и волей одного из участников обязательства, а содержание вторых – взаимной волей сторон (соглашением участников), сформированной в соответствии с законом и на основе принципа свободы договора. Поэтому субъекты внедоговорного обязательства (в отличие от договорного) лишены возможности или в значительной мере ограничены в возможности влиять на содержание обязательства в период его существования (например, изменять содержание). Как отмечалось, в литературе иногда указывается на внезапный характер внедоговорных обязательств, под которым понимается то, что субъекты обязательства предварительно не договариваются, не устанавливают его содержания [15, с. 42].

В-четвертых, различия изучаемых обязательств заключаются и в их «субъектной составляющей», что проявляется в следующем:

а) лицо, являющееся «субъектом» на стадии юридического факта, может и не быть участником внедоговорного обязательства. Например, наследодатель по понятным причинам не может участвовать в обязательствах, возникших в силу завещательного отказа или возложения; малолетний не может выступать субъектом ответственности за причинение им вреда и т. д. Обозначенная особенность оказывает влияние на адресную направленность субъективного права, являющегося элементом содержания обязательства: его носитель обращает свое право требования к являющемуся участником обязательства обязанному лицу, которое «не создавало» юридический факт;

б) носитель права во внедоговорном обязательстве до определенного момента вообще может не знать о том, что он станет управомоченной стороной [15, с. 41–43]. В качестве примера может служить названное выше обязательство, возникшее в силу завещательного отказа или возложения;

в) лицо, действия которого являются юридическим фактом, порождающим обязательство, или первым юридическим фактом в правообразующем юридическом составе (если это лицо является субъектом обязательства, например, причинителя вреда – малолетний таковым быть не может), в возникшем правоотношении всегда занимает положение обязанной стороны (или носителя основной обязанности).

Таким образом, модели договорных и внедоговорных обязательств имеют существенные особенности (совокупность признаков), позволяющие сделать вывод об обоснованности дихотомии: договорные и внедоговорные обязательства. В свете сказанного видится уместным привести классификацию обязательств, предложенную Р. Саватье. По основаниям их возникновения он выделяет обязательства из волеизъявления людей (выражающиеся в договоре или односторонних обязательствах) и из возмещения, к которому право обязывает людей («обязательства возмещения»). Общим для «обязательства возмещения» является то, что обязанность в них возникает автоматически, выражается, как правило, в деньгах, в возмещении уничтоженного или потребленного имущества. Поскольку договор страхования направлен на достижение аналогичного результата, то он также отнесен автором к группе последних [10, с. 49].

Как свидетельствует предыдущее изложение, принципиальная особенность научного анализа данного деления заключается в том, что его полнота и всесторонность обеспечивается одновременным использованием (органичным сочетанием) названных выше основных способов разграничения обязательств: путем определения критерия дифференциации и выявления совокупности их специфических признаков.

В литературе в зависимости от позиции относительно критериев деления внедоговорных обязательств по-разному определяется и их количественный и качественный состав. Так, С.М. Корнеев к числу внедоговорных обязательств относит только два первых из указанных обязательств [16, с. 176]. На основе подхода, изложенного выше, к внедоговорным обязательствам мы относим: обязательства вследствие причинения вреда, кондикционные обязательства, обязательства, возникающие из односторонних действий.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 8 марта 2015 г. ФЗ № 42-ФЗ // Собрание законодательства. 2015. № 10. Ст. 1412.
2. Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1864. 789 с.
3. Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. Варшава: Тип. О. Бергера, 1872. 175 с.
4. Анненков К. Система русского гражданского права. Т. 3. Права обязательственные. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 477 с.
5. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Тип. Известий Советов депутатов трудящихся СССР, 1940. 175 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1915. Т. 2. 461 с.
7. Кавелин К. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 416 с.
8. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950. 416 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
10. Саватье Р. Теория обязательств / пер. с фр. и вступ. ст. Р.О. Халфиной. М.: Прогресс, 1972. 440 с.
11. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
12. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 436 с.
13. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. Ч. 2. 880 с.
14. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений: учебное пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 213 с.

15. Носов В.А. Понятие внедоговорных обязательств. Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. тематический сборник / под ред. П.Ф. Елисейкина. Ярославль, 1977. С. 38–43.

16. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. 958 с.

17. Советское гражданское право: учебник: в 2 ч. / под ред. В.А. Рясенцева М.: Юрид. лит., 1986. Ч. 1. 560 с.

18. Гражданское право: учебник: в 3 т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Велби: Проспект, 2006. Т. 1. 784 с.

19. Алексеев С.С. Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 7–54.

References

1. Federal Law «On Amendments Being Made to Part One of the Civil Code of the Russian Federation» dated 8 March, 2015, FZ № 42-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2015, no. 10, Art. 1412 [in Russian].

2. Meyer D.I. Russian civil law. SPb., 1864, 789 p. [in Russian].

3. Golevinsky V.O. On the origin and division of obligations. Warsaw, Tip. O. Bergera, 1872, 175 p. [in Russian].

4. Annenkov K. Russian civil law system. Vol. 3. Rights of obligation. SPb., Tip. M.M. Stasiulevicha, 1898, 477 p. [in Russian].

5. Agarkov M.M. Commitment for the Soviet civil law. M., Tip. Izvestii Sovetov deputatov trudiaschikhhsia SSSR, 1940, 175 p. [in Russian].

6. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M., Izdanie Br. Bashmakovykh, 1915, Vol. 2, 461 p. [in Russian].

7. Kavelin K. Rights and obligations on property and obligations as applied to the Russian legislation. SPb., Tip. M.M. Stasiulevicha, 1879, 416 p. [in Russian]

8. Novitsky I.B., Luntz L.A. General doctrine of the obligation. M., Gosiurizdat, 1950, 416 p. [in Russian].

9. Pokrovsky I.A. Basic problems of civil law. M., Statut, 1998, 353 p. [in Russian].

10. Savatier R. Theory of obligations. Transl. from French and opening chapter by R.O. Halfina. M., Progress, 1972, 440 p. [in Russian].

11. Ioffe O.S. Liability law. M., Iurid. lit., 1975, 880 p. [in Russian].

12. Ennektserus L. Course of German civil law: Introduction and General part. M., Izd-vo inostr. lit., 1949, 436 p. [in Russian].

13. Ioffe O.S. Development of civil law thought in the USSR. L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1978, Part 2, 880 p. [in Russian].

14. Egorov N.D. Civil regulation of economic relations: Textbook. L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1986, 213 p. [in Russian].

15. Nosov V.A. Concept of non-contractual obligations. Protection of rights and Soviet civil proceedings: Interacademic subject collection. P.F. Eliseikin (Ed.). Yaroslavl, 1977, pp. 38-43 [in Russian].

16. Russian civil law: textbook: in 2 Vols. Vol. 2: Liability law. E.A. Sukhanov (Ed.). M., Statut, 2010, 958 p. [in Russian].

17. Soviet civil law: textbook: in 2 parts. V.A. Ryasentsev (Ed.). M., Iurid. lit., 1986, Part 1, 560 p. [in Russian].

18. Civil law: textbook: in 3 Vols. A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy (Eds.). M., Velbi: Prospekt, 2006, Vol. 1, 784 p. [in Russian].

19. Alekseev S.S. Subject of Soviet civil law and method of civil regulation. *Antologiya ural'skoi tsivilistiki 1925–1989: sbornik statei* [Anthology of Ural civil law of 1925–1989: collection of articles]. M., Statut, 2001, pp. 7–54 [in Russian].

*E.V. Ruzanova****CIVIL OBLIGATIONS: CONCEPT AND CLASSIFICATION MEASURES**

The article is devoted to the determination of characteristic features of civil liability as a form of civil relations and to the identification of their classification measures. The author concludes that the commitments are legally defined model of interaction between actors and concludes that models of contractual and non-contractual obligations are essential features (set of attributes) that allow to speak about the reasonableness of such a dichotomy. These issues are studied by the author, taking into account the legal innovations in the areas of general provisions on obligations.

Key words: civil obligations, signs of obligations, measures of division of obligations, dichotomy, contractual and non-contractual obligations.

* *Ruzanova Evgenia Vladimirovna* (cl@samsu.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.